

Праздничное выступление: Пастух и Ткачиха

Эльза Линдемманн

В театральных постановках, которые периодически случаются в монастыре, Эльза участвует с переменным успехом. То она придумывает и ставит небольшой номер сама, с помощью Лавинии и Кортни, то следующее большое выступление погибает вообще, потому что ей не до этого, а потом к ещё одной постановке опять примазывается и с интересом слушает концепт. На главные роли Эльзу не тянет, на феечку из массовки – тем более, богиня неба – во-первых, банальщина, во-вторых, попробуй-ка переиграй Анну-Лизу, которая на прошлом выступлении исполняла примерно ровно то же самое, это же наверняка у всех ещё очень свежо в памяти. Методом безжалостного исключения остаётся только роль говорящего быка. Это, кстати, по-своему интересно, на эту роль Эльза искренне напрашивается и быстро её получает. И заодно цепляет по дороге ещё две-три строчки текста рассказчика, но это уже ерунда и не сложно.

Когда Эльза первой выходит на сцену, на быка она похожа не очень, что вблизи, что издалека. На ней тёмный кожаный плащ, призванный обозначить бычью шкуру, а из рогов самыми доступными и приличными оказались рога Малефисенты, фанатское украшение. Именно они сейчас и торчат у Эльзы на макушке, и девушке даже поневоле интересно, насколько реально её в таком прикиде спутать с Анджелиной Джоли и реально ли.

– Мы расскажем вам очень печальную, но очень красивую легенду, – трагически произносит Эльза, не уточняя, какими именно грубыми методами они собираются добиваться красоты. – Это история о двух влюблённых, пытавшихся соединить в себе землю и небо. И началась она с того, что прекрасная фея Чжинью со своими подругами спустилась с небес, чтобы искупаться в голубом озере.

Задав легенде направление движения, Эльза технично ретируется со сцены. Чтобы никого из зрителей не отвлекать от полчища купающихся прекрасных фей.

Дженнифер Джинджер Дэй

- Ну что, Марлен ты несчастная Дитрих, довыпендривалась? - ехидничал критик. Язвил на заднем фоне непрерывно, но это, как ни странно, помогало и позволяло здорово отвлечься от волнений по поводу того, что Дженнифер вот-вот придется при всем честном народе выпрыгивать из штанов, и хорошо еще, что не из трусов, как того изначально текст легенды требовал. - И как теперь, твоя душенька довольна?

Молчал бы ты, вредный чёрт.

Принять участие в постановке в этот раз ирландке хотелось очень. Предыдущие она видела со зрительского места, и ей страшно понравилось, даже там, где она испански стыдилась и ржала от неловкости, все равно было потрясающе и круто. Поэтому, едва заслышав о том, что готовится очередная постановка, Дженнифер заявила на кастинг и там уверяла, что если ее возьмут, она для спектакля сможет все. Шпаги глотать. На голове ходить. Складываться вчетверо и помещаться в махонькую коробочку.

И, похоже, так хорошо себя рекламировала, что сразу получила главную женскую

роль и приказ раздеваться. Ладно хоть, светить голым телом требовалось не в гордом одиночестве: отважных стриптизерш набралась целая группа, и в таком виде все даже приобретало легкий оттенок благородного безумия.

- *Да ладно вам. Когда тут еще люди посмотрят на такое количество голых ног и плеч?* - радостно высказался менестрель. Он, похоже, сам хотел посмотреть в первую очередь. - *Ну красота же. Сделаем людям приятное.*

Дождавшись, когда Эльза обозначит, что действие пошло, Дженнифер вышла на сцену и, медленно пересекая ее, принялась раздеваться. Сперва по одной стряхнула с ног туфли, затем расстегнула и сняла рубашку, а последней отстегнула пуговицу на юбке. Оставшись после всех этих манипуляций в одном купальнике, Джинджер ногой откинула юбку в сторону, чтобы одежда была разбросана покачественнее, а потом позвала, обращаясь за кулисы к остальным стриптизершам: - Сестрицы, ну где же вы?

Эва Кейтлин Старк

Когда Эва сунулась на репетицию постановки, любопытствуя, а нужны ли там еще актеры, ей сразу сказали: ага, нужны, но остались только роли, в которых нужно раздеваться. Старк от таких перспектив сперва офонарела, потом выяснила, обязательно ли вот прямо раздеваться и нужно ли это делать вплоть до самых трусов или трусы все-таки можно на себе оставить. Ответы валлийку слегка успокоили, и Эва решила, что она эту роль может и потянуть, почему нет. Вдруг в следующий раз ролей не будет вообще, так почему бы сейчас тогда эту не отыграть.

Среди всех красивых и длинноногих девушек Эва со своим кнопчным маленьким ростом откровенно выглядела гадким утенком, так что и роль ей досталась примерно соответствующая. Первой проскакав на сцену на зов главной героини, Эва тоже выпуталась из своей одежды - это получилось у нее явно не так грациозно и красиво, как у Дженнифер, ну и пусть, валлийка всегда знала, что она такая себе грациозная лань, - смущенно засмеялась и запрыгнула на бочку с водой, которая, заранее вытащенная на сцену, была призвана помочь им изображать озеро. Феи договорились, что, за неимением возможности развести на сцене бассейн и бултыхаться в нем, купание они обозначат через игру в мяч - и вот, пока длинноногие красавицы изящно перебрасывались волейбольным мячом, Эва на бочке болтала ногами, хихикала и мелко-мелко брызгала водой в своих сценических сестер. Чтобы сверкающие капли воды на гладкой коже, и чтобы в сумме это все было очень-очень красиво даже для строгих эстетов.

Анна-Лиза Саволайн

Предыдущая постановка оставляет у Анны-Лизы только самые приятные воспоминания, поэтому, когда ее зовут еще раз красиво сыграть, девушка запросто соглашается. И первым делом отмечает предложение исполнить Богиню Неба - это уже было в прошлый раз, вот ровно это, а потому больше неинтересно.

После этого вообще все становится слегка грустно, потому что главные герои уже назначены, говорящий бык уже занят не в меру активной Эльзой, и потому только и остается, что изображать из себя безымянную фею на заднем плане.

Для Саволайн, впрочем, это вызов - даже и глубоко задний план отыграть так, чтобы он был вполне себе передний.

Анна-Лиза чуть мешкает за краем сцены и потому на призыв Дженнифер выходит не первой, зато уж выходит красиво. Саволайн выходит так, словно она - Шарлиз

Терон в рекламе Диоровских духов, и одежду с себя срывает точно так же, максимально эффектно и даже где-то завораживающе. Чтобы если кто еще и сомневается в том, кто из фей самая роскошная и притягательная, так пусть отбросит сомнения прочь, сомневаться больше не в чем. Стесняться Анна-Лиза не стесняется совершенно - у нее, по ее твердому убеждению, красивая фигура, в меру стройная и в меру выразительная, а еще роскошные ноги и шикарные плечи. Чего же тут стыдиться, тут, наоборот, эдакую красоту людям показывать надо, раз есть такая возможность.

Октавия Дженнаро

Когда ее поймали и предложили изобразить на китайском празднике голую фею, Октавия сперва от такого предложения откровенно охренела. Потом заржала и согласилась - да ладно, когда ей еще в монастыре такое предложат. Почему и нет-то. Правда, обзрев остальных собравшихся не репетицию фей, Дженнаро поняла, что из их стройных рядов она будет откровенно выбиваться.

Ну и пусть. В любой большой семье должна быть сестра-дура, верно?

Октавия, правда, ради спектакля с помощью Альды максимально привела себя в порядок и даже начала более-менее походить на красавицу. Хотя, конечно, до остальных девушек все равно не дотягивала. И раздевалась не так эффектно - у Дженнаро, когда она в свою очередь выбегала на сцену, все получилось максимально незамысловато и просто. Октавия просто дернула завязку у себя на шее, позволила просторному платью с себя соскочить и, оставшись в купальнике, подскочила к остальным девушкам с волейбольным мячом в руках, который немедленно запустила в полет, вовлекая остальных актрис в короткий, но интенсивный волейбольный матч. Это действие как раз отлично подходило для того, чтобы потрясти голыми плечами, ягодицами и что там еще выставляется напоказ, радуя взоры мужской аудитории. Вот с женской будет большой вопрос, женщинам-зрительницам явно повезло меньше. Если только, конечно, там парочка лесбиянок в гущу зрителей не затесалась.

Джулиет Диас

Джулиет к актерской труппе присоединяется очень поздно, когда весь состав, казалось бы, уже давно укомплектован. Ан нет, ее берут и выделяют ей маленькую роль. Роль без слов и даже, в общем-то, без одежды, но бразильянка довольна и этим. Это в любом случае интереснее, чем снова топтать главную площадь в качестве зрителя, не имея к самой постановке вообще никакого отношения.

Джулиет, конечно, сомневается в том, что ее прелести стоят того, чтобы так уж выставлять их на всеобщее обозрение. Диас худая и нисколько не скрывает от самой себя того, что она даже несколько излишне тоща и что ей бы слегка округлиться в парочке нужных мест. Суповой набор костей - это только для собак аппетитное зрелище, а не для людей. Но режиссеры-постановщики категоричны до крайности: купальник, и точка. Поэтому Джулиет послушно облачается в бикини, сверху художественно наматывает яркое парео, а потом, когда приходит время выходить перед зрителями, это парео с себя скидывает и бросает на сцену.

Вообще, оно чужое. Вообще, как бы его там не затоптали, не порвали и ничем не заляпали. Но Джулиет разрешает себе поверить, что Джун будет обращаться с женскими вещами прилично и вернет их в целости и сохранности, а потому легко вовлекается в игру с волейбольным мячом.

Какая приятно несложная роль.

Лавиния Ортега Касерес

Лавиния в постановку въехала как прицеп к Эльзе. Как ее маленький симпатичный пристежной хвост или что-то еще в том же духе. Их маленькая сценка по Брехту на одном из прошлых праздников прошла на ура, а потому сейчас Лавинии не составило никакого труда обратить на себя внимание Эльзы и под ее протекцией получить роль на новом спектакле. Правда, уже совсем не такую, как в прошлый раз. Теперь никаких километровых стихов; вместо этого Касерес предстояло сперва посветиться на сцене в купальнике, а потом поработать мостом, по которому будут ходить главные герои. Лавиния заявила, что ей интересно и то, и другое, и не отступила. Это ничего, что сегодня роль маленькая. Потом приглядятся и начнут постепенно большие роли давать.

В пеструю группу девушек в купальниках Ортега влилась с огромным удовольствием. Она даже попыталась изобразить нечто похожее на танец, пока раздевалась, красиво раскидывая одежду по сцене, а потом встала в круг якобы купающихся фей и принялась энергично перебрасываться с ними волейбольным мячом, не забывая игриво хохотать, когда на нее попадала холодная вода, старательно разбрызгиваемая одной из девушек.

Ну правда же щекотно потому что. Щекотно и еще самую малость прохладно.

Аделина Рутцен

Аделина по-черному подозревает, что ее позвали в постановку в первую очередь потому, что у нее грудь. Большая впечатляющая грудь, которую так просто в купальник еще и не поместишь и которой можно трясти со сцены как орудием массового поражения, убивая мужчин направо и налево. Это далеко не приятные подозрения, и вообще Рутцен не виновата, что у нее такое выросло, что же ей теперь, операцию делать, чтобы лишнее отрезали, вот уж нет уж. Какое-то время Аделина ходит и обижается на то, что ее планируют вот так грубо использовать, а потом узнает, что девушек в купальниках предполагается целый табун, и меняет свое мнение.

Ладно, значит, не в большого номера размере дело. Значит, можно присоединиться. Немка всю дорогу страшно переживает, что из купальника она в самый неподходящий момент вывалится. Левая грудь то и пытается исполнить, когда Аделина на сцене выскальзывает из блузки, но девушка вовремя успевает ее подхватить и водворить обратно на место, под купальник. Сложности на этом, однако, не кончаются, потому что впереди еще игра в мяч. Аделина не помнит, кто это первый предложил, а кто это предложение утвердил, но испытывает легкое желание прибить изобретателей на месте. Пока же немке приходится бросать мяч с максимальной аккуратностью, двигаться довольно скованно и даже мечтать о том, чтобы она уже скорее стало сорокой, по которой будут ходить. Там хоть никакого позора не предвидится.

Джун Мотидзуки

Очередная постановка, приуроченная к празднику Двух Семерок, должна была пройти при его активном участии, хотя изначально Джун не кричал на каждом углу о желании второй раз изображать несчастного мужа. Но потом все как-то закрутилось, не давая ему сбежать и спрятаться куда-нибудь под камушек... И вот он уже гордо вышагивает по сцене, изображая пастуха Нюлана, чтобы в ближайшее время

обрести, а потом потерять свою любовь...

Вообще, эта тема с постоянно исчезающими женами Джуну совершенно не нравилась, но на этот раз, его хотя бы не убивали в то время, как жена утешалась в объятиях лесоруба. А еще бонусом шло просто какое-то фантастическое количество полуобнаженных женщин, что не могло не придать постановке особой прелести. Собственно и согласился он на все это безобразие не столько из любви к искусству, сколько из-за потрясающего актерского состава, в который умудрился затесаться только один мужчина - он сам.

Поскольку Джун так и не воспылал страстью к китайским национальным костюмам, на нем была юката, в которой ему уже раньше приходилось отмечать японский вариант праздника Двух Семерок, и которую он, вместе с другим многочисленным барахлом, зачем-то притащил с собой в монастырь. На сцену он забрался ловко, радуясь, что на этот раз ему не придется таскать с собой лук, и тут же сделал несколько шагов в сторону "купающихся фей". Изображать восхищение не пришлось, поскольку спокойно реагировать на резвящихся прекрасных фей, одетых в одни купальники, мог разве что физически или психически нездоровый мужчина. И, если бы не требования роли, он бы немного оттянул момент воровства, чтобы еще какое-то время радовать взгляд прекрасным зрелищем, но выраженное чувство ответственности не позволяло ему подобные вольности. Так что, подавив печальный вздох, он старательно собрал разбросанную одежду, утащил ее на край сцены, свалил в одну кучу и, сделав подлое дело вернулся, чтобы с довольным видом ожидать реакции со стороны фей.

Дженнифер Джинджер Дэй

Дженнифер подвергалась такой критике со стороны обитателей своей же собственной головы, что дальше ехать просто было некуда. И ноги-то у нее кривые, и задница с грудью плоские, смотреть не на что, да ты еще и двигаешься как на шарнирах, ты что, вообще с ума сошла! Вот на девушек рядом посмотри, вот как надо! а ты что вытворяешь? Вместо того, чтобы под шквальным огнем этой критики смутиться в край и застыдиться, Джинджер только злилась и старательно брала пример с красавиц рядом, стараясь копировать их в грации движений, а некоторых еще и в разящей от них уверенности в собственной неотразимости. Так что к к тому моменту, как феи по сценарию обнаружили пропажу своей одежды и после короткого совещания в десять рук вытолкнули Дженнифер вперед и на поиски, ирландка уже настолько вошла в роль неоспоримой красавицы, что необходимость дефилировать почти голышом перед благородными зрителями ее больше почти не смущала.

Изображая, что она разыскивает потерявшуюся одежду, Джинджер прошлась по сцене туда и сюда, разглядывая сцену так старательно, как будто рубашки-юбки от этого должны были устыдиться и немедленно показаться ей на глаза. Никто, что предсказуемо, никуда не показался. Дженнифер в замешательстве развела руками, а потом высказала дерзкую догадку: - Я не вижу нашей одежды, сестрицы - но, может быть, ее кто-то забрал? - И, якобы немедленно проверяя эту версию, Дженнифер показательно закричала, обращившись туда, где на краю сцены прятался ее будущий сценический муж: - Кто здесь? Покажись, не глумись над девами!

- Ты уверена, что тебе давали именно этот текст? - усомнился критик. - По-моему,

прекрасная фея так выражаться не должна.

Да чего ты прицепился, отстань. Нормально же все. Вон, смотри: вор все понял и уже спешит ко мне.

Джун Мотидзуки

Как и в прошлый раз, до самой постановки у них было полторы кривых репетиции и, поскольку, рассказчика сейчас не имелось, процентов на шестьдесят приходилось импровизировать, особенно в том, что касалось текста. Но в этом был и явный плюс - некоторая свобода действий, позволяющая отыгрывать роль именно таким образом, каким хотелось ему самому, пусть его Ньюлан, сильно отдающий японщиной, мог заметно отличаться от оригинала.

На приказ Дженнифер показаться, Джун отреагировал сразу, быстро преодолев разделяющее их расстояние и отвесив полушутливый поклон.

- Это я забрал вашу одежду, - его глаза хитро блеснули, а губы растянулись в нагловатой улыбке. - И просто так возвращать ее не собираюсь.

Согласно сценарию, дальше его должна была сразить красота обнаженной Чжинью, поэтому окинув ее оценивающим взглядом, Джун резко посерьезнел, подошел к Дженнифер на возмутительно короткое расстояние и по-хозяйски приложил ладонь правой руки к ее щеке.

- Пожалуй, я верну вашу одежду, но с одним условием. - Он выдержал драматическую паузу, заглядывая своей будущей сценической супруге в глаза, а затем произнес хриловатым голосом, призванным выразить бушевавшие эмоции. - Хочу тебя в жены...

Возможно он немного перебарщивал, имея все шансы засмущать свою партнершу, но после сцены с обнаженкой подобное поведение показалось ему вполне уместным и прекрасно вписывающимся в общий контекст повествования.

Дженнифер Джинджер Дэй

- По-моему, купальник произвел неизгладимый эффект, - отметил менестрель. - *Воришка к тебе мчится так, что аж ноги проворачиваются.*

Дженнифер была склонна считать, что менестрель, живописуя, немного преувеличивает. Но все равно, напор, с которым Джун взялся изображать восхищение ее красотой, девушку изрядно ошеломил. Джинджер от него едва не попятилась, даже испытав на краткий миг желание сказать "а чо я, давай ты вон на ту, красивую, бросаться станешь, ей же только в удовольствие будет". Шаг назад она успела сделать точно, а потом сумела себя остановить. И даже решила, что этот шагок назад смотрелся со сцены не так уж плохо. Вполне себе верибельно и все такое прочее. То, что она по роли должна быстро согласиться выйти за Джуну замуж, вовсе ведь не означает, что и прийти в восторг, и с разбегу броситься ему на шею она тоже должна с первых же секунд.

- И чего же хочет твоя душа в обмен на наши одежды? - успела еще ляпнуть Дженнифер, а потом Джун подскочил вплотную и прикоснулся теплой ладонью к ее щеке. Джинджер исправно засмущалась, опустила глаза и покраснела, и обеими

руками ухватила Джуна за предплечье, словно до последнего решала, оторвать его руку от своего лица или ей в целом все нравится. Менестрель из глубины сознания откидывался полезными подсказками; прислушавшись к нему, Дженнифер старательно задышала, чтобы зрителям было видно, как тяжело и взволнованно вздымается ее грудь, и ответила: - Верни моим сестрам их платья. Я согласна стать твоей женой.

- *То есть вот просто так?* - возопил критик. - *Просто хлоп, и согласна? Где мотивация, женщина? Где логика, где обоснуй, где хоть что-нибудь?*

Уже можно так не дышать, - вторил ему менестрель. - *Успокойся, говорю! А то у тебя груди загорелые сейчас как выпадут из. Вот будет сюрприз, правда?*

Джун Мотидзуки

Особых восторгов на предложение руки, сердца, печени и всякой требухи со стороны Чжинью не последовало, но это Джуна ничуть не расстроило. Жена, хотя бы на короткое время, уже и так была у него в кармане. Оставалось только официально все объявить, и начинать изображать счастливый брак, ровно до того момента, как коварные силы не решать разлучить влюбленных. Хотя по поводу “влюбленных” у Джуна имелся ряд сомнений, поскольку, если переводить легенду на современный лад, один думал явно не головой, а другая продалась за одежду.

- Хорошо, да будет так. - Он на время оставил Дженнифер, давая ей возможность выдохнуть и морально подготовиться к продолжению всего этого безобразия.

Раз он обещал вернуть одежду, то, как честный человек, должен был это сделать, притащив ворох женских юбок, рубашек и прочих прелестей и положив их перед все еще полуобнаженными феями, с сожалением отмечая про себя, что одна из самых приятных частей постановки подходит к концу. Из общей кучи Джун вытащил только вещи, в которых, как он помнил, изначально была Дженнифер. Не зная, как толком показать свадебный обряд, японский Ньюлан решил прибегнуть к символизму, начав медленно и с чувством обрядить Дженнифер в то, что еще недавно было красиво сброшено согласно сценарию. Сначала он надел на нее рубашку, чувствуя себя немного странно, из-за достаточно непривычного для него процесса. Одевать женщин ему как-то раньше не приходилось но, закончив с последовавшей за рубашкой юбкой, Джуну честно признался себе в том, что в этом процессе было нечто завораживающее.

- Теперь ты моя жена, - торжественно объявил он и, в честь такого радостного события, подхватил Дженнифер на руки и немного ее покружил, перемещаясь по сцене. Возможно, своими действиями ему в очередной раз удалось засмущать партнершу, но, естественно ради искусства, он был готов получить после постановки от нее нагоняй, если Дженнифер посчитает нужным объяснить, за какие границы не стоит заходить даже ради театрализованного действия. Хотя, по мнению самого Джуна, ничего, противного цензуре, он не совершал, удачно опустив все пикантные моменты совместной жизни главных героев.
